

Алистер Кроули. Недостойный

www.incunabula.ru

Саймон Ифф, мистик, был самым необщительным членом Хемлок-клуба. Но все прощалось человеку его способностей и невероятного обаяния, которое он излучал, даже когда молча сидел на излюбленном месте у окна. Если кому-то удавалось разговорить его, это было настоящим триумфом. Как-то раз рождественским вечером издатель "Смарагдовой скрижали" сообщил ему, что клубный комитет изобрел немедленно вступившее в силу новое правило, согласно которому старейший из присутствующих членов клуба должен под угрозой штрафа рассказать какую-нибудь историю. Это была гениальная ложь, взывавшая к чувству юмора Саймона Иффа.

- Какую еще историю? - буркнул он.

- Расскажите, когда вы в первый раз воспользовались своей способностью распознавать природу людей.

Лицо мистика потемнело.

- Вот и поэтическая справедливость. Придется вам расплатиться за то, что дерзнули изобретать новые правила. История эта гнусная и страшная; огни героизма, горящие в ней, призваны сделать тьму еще отвратительней. Но вы должны ее выслушать, и по одной лишь причине: поскольку в результате моего вмешательства нашему клубу, а, стало быть, и всей вселенной, которая вокруг него вертится, удалось избежать неминуемой катастрофы.

I

Шлюп Его Величества "Грейхаунд" разбился в Бискайском заливе в апреле 1804 года. На борту находились депеши, адресованные сэру Артуру Уэлсли*.

Капитан Фортестью, отвечавший за их сохранность, и сержант военно-морского флота по имени Гласс спаслись при кораблекрушении. Их выбросило на сушу на северном побережье Испании. До конечной цели оставались долгие дни пути. К счастью, они повстречали дружелюбно настроенных повстанцев, и те всячески им помогли. Но удача изменила им, когда они уже были буквально в двух шагах от цели. Произошло сражение, и Массена*, отступая,

расположился так, что они оказались отрезанными от позиций сэра Артура. Узнав об этом, они поспешили в сторону гор, в надежде, что пересекут их, и, спустившись по противоположному склону, обогнут фланги французской армии. К несчастью, когда они переходили первую грядку, их заметили, и в погоню было отправлено подразделение пехоты.

Заметив это, испанский проводник немедленно сбежал. Теперь их не только преследовали, но к тому же они сбились с пути. Им было известно примерное расположение британских позиций, и оставались два часа форы; в противном случае, они были бы обречены.

Они достигли вершины второй гряды как раз в тот момент, когда их преследователи, вытянувшись длинной цепью, перебрались через первую; начав спуск, необычайно крутой - лишь узкая тропинка для мулов посреди гигантского нагромождения скал, - англичане добрались до хижин, и тут тропа закончилась. Фортестью узнал это место, - накануне о нем говорил проводник; это было жилище отчаянного разбойника, за голову которого назначили высокую цену и французы, и англичане. Впрочем, выбора не было, и они вошли. Случай им благоприятствовал: разбойника не оказалось дома, оставался лишь спящий

часовой. Фортестью пронзил его саблей, прежде чем тот успел схватить ружье.

Англичане остались в хижине. Удастся ли здесь обороняться? Видимо, да, но не более двух часов: в случае длительной осады противник пришлет подкрепление. Вопросом жизни и смерти было отыскать выход в долину.

Хижина прилепилась к краю скалы; виднелась тропа, ведущая вниз, но, казалось, выход на нее отрезан. Глассу пришла в голову мысль, что должен быть проход через погреб. Он проворно обыскал хижину, разыскивая потайную дверь. Спустился по лестнице, и тут поиски увенчались успехом: он оказался в большом подвале, наполовину заполненном бочонками с порохом. Маленькая дверца вела на тропинку внизу.

- Скорее! - крикнул Фортестью.

- Нас поймают, - отвечал Гласс. - Давайте, я останусь здесь. Задержу их, а вы сможете уйти.

Офицер нашел предложение разумным, его главной целью было доставить депеши. Он пожал Глассу руку и пустился в путь.

Сержант военно-морского флота знал, что у него остается меньше часа, но он разработал план. Не медля, он скрутил длинный фитиль от бочонка с пороха к окну хижины, выходящему на скалу; потом разделся, снял одежду с мертвого сторожа и надел на мертвеца свою форму. Затем отыскал веревку и повесил труп в дверном проеме.

Он надел лучшее платье разбойника; и, решив скрыть признаки мужественности, закутался в широкую мантилью. Он был гладколицым симпатичным пареньком, и, укрытый шалью, вполне мог сойти за испанскую девушку - до пояса.

Он занял позицию у окна возле двери, так что нижняя часть его тела не была видна, и стал дожидаться преследователей. Они появились, когда уже смеркалось. Командир быстро оценил ситуацию, как он ее понимал. "Где второй?" - крикнул он. Гласс божественно улыбнулся. К несчастью, он знал лишь несколько иностранных слов. Но прижатый к губам палец и приглашающий жест успокоили преследователей; они спустились по тропинке и ввалились в хижину. "Где же девушка? - крикнул командир. - А вдруг это ловушка? За оружие!". Прежде, чем он успел закончить, Гласс, сбжавший в нижнюю комнату, поднес огонь к фитилю. "Пусть Самсон погибнет с филистимлянами!", - взревел он и в ту же секунду выпрыгнул из окна.

Хижина взлетела на воздух; все, кто был внутри, погибли, а Гласс очутился на пятьдесят футов ниже в колючем кустарнике, одна рука была сломана, на теле множество ссадин, но, в целом, ему повезло.

На следующий день он спустился в долину, и сердобольный пастух провел его окружным путем к британским позициям.

Его встретили, как героя: Фортестью видел взрыв и рассказал о доблести товарища. Но рука сержанта не проходила; из-за отсутствия лечения началась гангрена, и в ту же ночь хирург отнял ее до плеча.

Сэр Артур Уэлсли лично пришел в госпиталь поздравить отважного парня. "Радуйся, что это левая рука, - сказал он грубовато. - Нельсон потерял правую. А ты получишь звание лейтенанта действующей армии". Гласс был в восторге; утрата руки казалась пустяком, раз он мог носить на этом боку саблю, эполеты на плечах и называться офицером и джентльменом отныне и навсегда.

II

Лейтенант Гласс, получивший шестимесячный отпуск в конце кампании 1805 года, вернулся на ферму своих родителей на северо-западном берегу Лох-Несса и обнаружил, что его мать с отцом скончались. Друг в Инвернесе уже предупредил его, когда он проезжал этот город, но благочестие заставило Гласса продолжать путь, хотя он мог провести отпуск где угодно.

Это был двухкомнатный каменный домик, стоявший высоко над озером на вересковой пустоши. Дальше на запад тянулись пустынные склоны Милфовурни; внизу мрачные воды озера ревели холодной злобой горской зимы.

На несколько миль другого жилья в округе не было*. К ферме

примыкал небольшой участок возделанной земли, дающей после мучительных трудов немного овса и картофеля, больше ничего.

Помещик, грант Гленмористонский, послал человека охранять ферму в отсутствие Гласса. То был крепкий парень шестнадцати лет, работающий и замкнутый; он содержал домик в идеальном порядке и возделывал землю так хорошо, как только возможно в столь неприветливых местах. Гласс сделал его постоянным садовником и слугой, но присутствие парня лишь подчеркивало, а не скрашивало одиночество. Между тем, в первое воскресенье, когда лейтенант спустился в церковь Стрэт-Эррика, он обнаружил, что к нему приковано внимание всего прихода. Даже священник Чизхолм, суровый и ограниченный кальвинист старой школы, благожелательно упомянул его в проповеди, а, когда служба была закончена, триумфально отвез офицера в пасторский дом, чтобы тот поделился с ним на редкость скромную трапезу, которую шотландцы, опасаясь прогневить Всевышнего, позволяют себе в воскресный день.

Чизхолм был вдовцом. У него была единственная дочь, тощая и ледяная, с прямой спиной, тонкими губами, острым носиком, скверными зубами и жадными глазами. Но ее плоская грудь чуть не лопнула, когда, точно озарение, возникла идея выйти замуж за лейтенанта Гласса. Это был способ выбраться из кошмарного захолустья; Гласс, хоть и без одной руки, был мужчиной видным: герой, дважды упомянут в депешах с тех пор, как получил звание; скоро предстоит его главная военная компания. Повышения в те дни происходили очень быстро. Капитан, майор, полковник! – возможно, даже генерал Гласс. Ей казалось, что Стрэт-Эррик остался далеко на севере; взамен же – представление ко двору, всевозможные социальные привилегии; вероятно, монарший визит или нечто подобное под конец, и унижение местных помещиков, вечно смотревших на дочь священника свысока. Вскоре она узнала, что в запасе еще четыре месяца, чтобы поймать добычу: у нее, бедной простолюдинки, не оказалось соперниц в округе; у Гласса, фермерского сына, несмотря на его эполеты, было так же мало возможностей найти себе пару из местной аристократии, как и у нее. Она принялась за дело с предельной основательностью и настойчивостью: заручилась поддержкой отца и приступила к осаде Гласса всеми мыслимыми способами.

Лейтенант, конечно, понимал, что мог бы заключить куда более удачный брак. В лондонских салонах хватало невест получше, а его крестьянское прошлое там не было известно. Лондонским мамашам все горцы кажутся помещиками. Но инстинкт, заставивший его поселиться на заброшенной ферме, ныне вынудил отказаться от переезда в Лондон. Его тянуло к земле; вскоре он решил закрепить еще один якорь в грунте и в марте 1807 года женился в церкви Стрэт-Эррика на Аде Чизхолм. Через месяц он вернулся в полк; медовый месяц они провели в Эдинбурге и расстались в Лите*: жена вернулась в отцовский дом, он же отправился на новую военную кампанию в Европе.

В том же году он получил звание капитана; прошло еще два, прежде чем он снова увидел жену. Летом 1809 года он вновь отличился на поле брани и был произведен в майоры. Тяжелое ранение на три месяца приковало его к больничной койке; после выздоровления он подал прошение и на полгода получил увольнительную по состоянию здоровья.

Его жена была полна энтузиазма: она проделала долгий путь в Лондон для встречи с ним, и он устроил ее представление ко двору. Столичная роскошь вскружила ей голову, и она решительно воспротивилась намерению мужа провести полгода в Шотландии. Вместо этого они решили поехать в Бат, и светские соблазны курорта привели Аду в восторг.

Гласс вовсе не был влюблен в жену; сексуальности в ней было не больше, чем в овсяной лепешке, но он был простодушен и хранил твердые представления о чести. Так что он был верен ей во время разлуки, для нее же вкус измены был не слаще сорной травы.

Они покинули Бат в декабре 1809. Они были расточительны, и воленс-ноленс Аде пришлось вернуться в отцовский дом. Возможно, через год или чуть больше он получит полковника; к тому времени должна закончиться война, и остаток дней они смогут в довольстве провести в Лондоне или в уютном гарнизонном городке.

В июне 1810 Гласс получил от жены письмо с известием о рождении сына. Она предложила назвать его Джошуа, поскольку его отец был таким хорошим капитаном*.

Рождение Джошуа полностью переменяло Гласса, – так меняет человека пристрастие к наркотикам или душевная болезнь. Он знал, что до звания полковника придется еще долго ждать: единственный шанс на свете – взять Наполеона в плен голыми руками. Его быстрое продвижение по службе вызывало ненависть бездарных снобов-офицеров, а исключительная скромность поведения только шла ему во вред. Они ненавидели его, как благородство без удачи умеет ненавидеть удачу без благородства. Даже Веллингтон, не упускавший его из виду, не мог препятствовать столь яростному сопротивлению. Сослуживцы Гласса подстраивали ему одну ловушку за другой, и только шотландская осторожность помогла ему устоять.

Эти рассуждения укрепили его в одном важном решении. Он должен скопить десять тысяч фунтов. Если все сложится удачно, Джошуа сможет поступить в Итон с хорошим состоянием. Мало-помалу Гласс, открытый, свободный и легкий человек, превращался в скрягу. Вместо того чтобы повысить денежное содержание жене, он его урезал. И каждый пенс, который удавалось сэкономить, посылал знакомому банкиру в Эдинбург, обещавшему удвоить его сбережения за два года. Сразу скажу, чтобы не направлять вас по ложному следу, что банкир сдержал слово.

III

Ну что, пока это не такая ужасная история, верно? И, кажется, трагического в ней тоже немного. Что ж, двинемся дальше.

После того, как Наполеон был заточен на Эльбе, майор Гласс воссоединился с женой. На этот раз никакой поездки в Бат не было. В домик были куплены лишь самые необходимые для Джошуа вещи; Гласс сам возделывал землю и продавал урожай.

Ада страстно этому противилась; открытой ссоры не было, но яд в душе она затаила.

– У меня в банке шесть тысяч фунтов, – рассуждал Гласс, – но на полк надежды нет, раз кончилась война. Давай год-другой будем экономны, скопим десять тысяч, а потом сможем жить, как благородные люди, а мальчику обеспечим карьеру.

Она понимала, что план благоразумен и не решалась спорить, но жаждала светских развлечений, как обычно свойственно тем, кто рожден без права на них.

Здоровье мальчика не вызывало никаких опасений, он рос, как обычный горец, но его характер беспокоил отца. Джошуа был молчалив и угрюм, медленно учился говорить, и, похоже, отличался рассеянностью. Он предпочитал не играть, а лежать или сидеть, глядя на родителей. Да и играл он не просто и бесцельно, как другие дети. Даже, когда он ломал игрушки, он не плакал и не смеялся: просто сидел и глядел на них.

Майор Гласс вернулся в полк в конце 1814 года; жена его вновь поселилась у отца. Но месяц спустя священник заболел и в марте скончался. В домике поселился другой священник, и миссис Гласс пришлось вернуться в хижину на вересковой пустоши. На жалком подобии фермы по-прежнему работал парень, а его сестра взялась заботиться о Джошуа и помогать по хозяйству.

В 1815 году майор Гласс участвовал в решающих сражениях в Бельгии. Тут-то и обрушился удар судьбы, превративший его простую историю в кошмарную трагедию, которую, по вашему настоянию, я решился поведать. Майор командовал последним отрядом, защищавшим изрешеченные пулями стены Угумона, и поднял бойцов на сопротивление отчаянной попытке Наполеона отбить этот важнейший для него замок. В одном месте британские позиции были смяты, и Гласс с горсткой резервистов возглавил наступление и разбил передовой отряд французов. Но тут удар сабли убил его телохранителя, а следующий отрубил Глассу правую руку. Его поспешно отнесли на разрушенную ферму и перевязали рану. Увидев, что его войска отступают, Наполеон приказал начать еще одну артиллерийскую атаку; пушечное ядро, пробив стропило, снесло остатки крыши. Тяжелое бревно упало на ноги майора и раздавило их.

Богатырское здоровье не позволило ему умереть. Беспомощный, но совершенно здоровый торс несколько месяцев спустя привезли в хижину над

Лох-Нессом. Его жена задрожала от ужаса – вполне понятного ужаса, несомненно. Только когда он сказал ей, что, по словам хирурга, сможет протянуть еще лет пятьдесят, она поняла, что за катастрофа ее ожидает. Все ее планы на будущее рухнули: она будет привязана к живому трупу в жалкой лачуге, скорее всего, до конца своих дней. "Теперь, с половиной жалованья, – размышляла она, – сколько же придется ждать, чтобы скопить десять тысяч фунтов?".

IV

Будь Ада Гласс женщиной умной, неважно доброй или злой, она бы быстро нашла какой-нибудь выход. Но мысли ее были медленными и косными, а сердце ослепила тупая ненависть. Ее жизнь была бесконечной тусклой, особенно после смерти отца; теперь в этой пустоте медленно росло чудовище. И муж понял ее прежде, чем она сама поняла себя. Однажды, когда Ада рассчитала помогавшую ей девушку, сказав, что теперь придется экономить больше прежнего, он поймал себя на мысли, что она собирается убить его. Быстрый разум Гласса подсказал способ защиты. Он позвал парня Эндрю, теперь уже крепкого мужика двадцати шести лет, и послал его в Инвернесс за стряпчим.

С этим человеком он имел с глазу на глаз долгую беседу, в ходе которой из бумаг майора, в соответствии с его инструкциями, были отобраны несколько документов и писем.

Тем же вечером стряпчий вернулся в хижину с новым священником Стрэт-Эррика, устранившим помехи, вызванные неспособностью солдата лично подписать документы.

Позднее, когда миссис Гласс вернулась из Гленмористона, куда ее отослали, чтобы она не мешала, майор рассказал ей о том, что сделал.

Я поместил свои деньги, объяснил он, в руки двух надежных попечителей. Если мне суждено умереть до совершеннолетия Джошуа, состояние останется под процентами в банке, а ты сможешь жить на пенсию, которую будешь получать, как моя вдова. Затем капитал перейдет к нему, с рядом ограничений. Но если я выживу, ребенок будет расти под моим присмотром, и, таким образом, как только капитал достигнет десяти тысяч фунтов, мы не только дадим ему хорошее образование, но и обеспечим, пока он еще мал, достойное социальное окружение.

И снова его жена ничего не смогла возразить, но сердце ее опять сжалось.

Дни текли, и ненависть пожирала ее жизненные силы, поедала ее, точно какой-то мерзкий рак. Наконец, она сознательно начала переходить от размышлений к действиям, в надежде превратить жизнь мужа, и без того кошмарную, в сущий ад.

Вы, конечно, понимаете, что самое большое несчастье на свете – невозможность действовать свободно. Утрата органа чувств или конечности принципиально невыносима из-за ограничений, которые она накладывает на наше существование. В этом – более, чем в чем-либо другом, – кроется источник страха, который вызывает у нас слепота или паралич. Помните рассказ Ги де Мопассана про слепого, которому родственники устраивали гадкие розыгрыши? Нам это кажется особенно жестоким, потому что жертва беззащитна. Но скажу вам, что самые свирепые и безжалостные дикари на свете – шотландские горцы. Доктор Фрезер приводит немало примеров на редкость злобных суеверий*, бытующих и

по сей день, когда мы сидим в Хемлок-клубе. "Поскреби русского и обнаружишь татарина"? Ну, так поскреби шотландца и обнаружишь существо, которое даст сто очков вперед любому китайцу или краснокожему. Сексуальный инстинкт особо силен у кельтов; когда он развивается благородно, мы обнаружим гения, как среди ирландцев; если же он подавлен религией, как у кальвинистов, он нередко выливается в безумие или жестокость, которая сама есть форма безумия.

Но вернемся к нашему рассказу. Ада Гласс старательно взялась за дело.

У тех, кто лишен подлинно артистической души, чудовищное одиночество горной Шотландии порождает жуткие фантазии, и Ада Гласс с ее бесполостью – хороший пример.

Осуществлять свой замысел она начала с небрежения. Она не сразу откликнулась, когда муж звал ее, стала скверно стряпать. Он заметил это, и неделями терзался тяжкими мыслями. Наконец, он решил покончить с собой единственным возможным способом: отказавшись принимать пищу. Она ответила танталовыми муками: принялась готовить вкусно пахнущие и аппетитные кушанья у него на глазах, так, что через какое-то время он физически не мог от них отказаться. Все это выглядело особенно бесчеловечным оттого, что сопровождалось невыразимым лицемерием обеих сторон. Ада произносила такие слова любви и нежности, которые не появлялись на ее устах и во время медового месяца.

Это был лишь первый шаг по скользкой дорожке в бездну. Вскоре Аде пришла в голову на редкость гнусная идея, возможно подсказанная муками голода и жажды, на которые она обрекла мужа. Она получала удовольствие, предлагая ему сладко пахнущие кушанья, которые на вкус оказывались пересоленными и переперченными, и взять их в рот можно было только от нестерпимого голода. Острой едой она возбуждала его жажду, а потом подсыпала соль в воду, которую он просил, чтобы утолить ее. И всякий раз она просила прощения и винила себя, всхлипывала и умоляла простить. И начинала говорить о любви – но нет! джентльмены, вы сами можете домыслить все подробности этой истории.

Наконец, через несколько месяцев после начала этой жалкой комедии, она решила сыграть на его ревности. (Прошу вас не забывать, что эти люди жили в совершенном одиночестве, без каких-либо посетителей, если не считать редких официальных визитов священника. И Гласс был слишком горд и храбр, чтобы рассказать тому, что происходит). Ада стала делать авансы садовнику. Как я уже говорил, у нее было не больше чувств, чем у кастрюли, все они были выжаты из нее кальвинизмом, но она знала, как нужно действовать. Ей было известно, как строго относится ее муж к брачным узам, так что она решила, что сможет подорвать его дух нарушением собственных обетов. Ради этого все и делалось, хотя, возможно, она и не отдавала себе в этом отчет: она хотела, чтобы герой множества военных кампаний хныкал, скулил и выл, как дворняжка. Многие женщины тешатся подобным образом.

Итак, она решила обольстить садовника. Это было несложно. Он был грубым, простым трудягой, сильным, здоровым зверем. А она соблазняла его, как те дамы в Бате своих кавалеров. Стоило ему преодолеть первоначальную робость, и он сделался ее рабом; с этого момента она принялась разыгрывать новую гнусную комедию. Ее муж должен долго терзаться подозрениями, прежде чем будет знать наверняка: такой она придумала план. Часами она наблюдала за отражениями мыслей на его лице. Вскоре она внушила своему любовнику ненависть к хозяйину; и как-то раз заставила его поцеловать ее в комнате, где лежал на соломенной подстилке майор, – задолго до этого она изгнала его из кровати, сославшись на то, что ее трудно застилать. Спазм боли на его лице, гневные слова, с которыми он к ней обратился, стали свидетельством величайшего ее триумфа. Она продолжала осуществлять свой план и дошла до полного бесстыдства; садовник же, лишенный всякой чувствительности, думал, что это просто хорошая шутка в духе Боккаччо. Так продолжалось неделями, с неизменным успехом, и тут Гласс внезапно решил, что способен это стерпеть – или просто что-то в его сердце надорвалось. По крайней мере, стало очевидно, что он больше не страдает. Ее изощренность изобрела новое средство, вещь столь непотребную, что даже разговор о ней позорит человечество. Она решила растлить ребенка. Джошуа был достаточно взрослым, чтобы понимать, что ему говорят; она втайне наполняла его ненавистью и отвращением к отцу и попутно учила радостям физической жестокости. (Я предупреждал вас, что это жуткая история).

Майор Гласс, лежавший недвижно, стал ужасающе тучен. На него было страшно смотреть: огромный живот, впалая грудь, жирное измученное лицо. Четыре обрубка конечностей только добавляли отвращения. Очень легко было подстрекнуть ребенка на гадкие шутки. Теперь Ада уже сбросила маску лицемерия; она открыто подначивала сына и насмеялась, она изливала на мужа реки ненависти, давая ему понять, что вовсе не скучает по обществу в Бате и рада, что он сможет прожить еще полвека, потому что только сейчас впервые

познала удовольствие. Она подстрекала мальчика втыкать длинные булавки в незащищенное тело. "Ты даже больше не свинья, - смеясь, сказала она как-то вечером. - Ты - подушечка для булавок!". И Джошуа со злодейским смехом встал, услышав ее слова, воткнул три булавки в напряженный живот и радостно кинулся к матери, подражая невольным корчам страдальца.

Эта игра возобновлялась каждый вечер. Были и промежутки, но только в предвкушении новых гнусностей. Гласс давно уже вслух молился о смерти, теперь он стал просить Аду помочь ему умереть.

- Если бы ты по-другому распорядился деньгами, я, может, об этом бы и подумала. В конце концов, мне стоило бы снова выйти замуж.

Он ответил неожиданным тоном:

- Я облегчу твою задачу. Как-нибудь вечером, когда начнется метель, спустись с Джошуа к соседям. Сделай вид, что ты больна и останься на ночь. Оставь дверь открытой, когда будешь уходить; думаю, я умру от холода. А я так хочу умереть! - Слабость его духа пробудила в ней злорадство. - Если поклянешься на Библии сделать это, - продолжал он, - я открою тебе страшную тайну. - Немедленно, почуввав нечто очень важное, она стала внимательно его слушать. - Когда я был в Испании, - продолжал Гласс, - мы расположились в замке, принадлежавшем одному гранду. Это был старик, парализованный и столь же беспомощный, как я сейчас. Его жена в первый день вторжения закопала фамильные сокровища в тайном месте. Брильянты, золотые монеты и много дорогих украшений. Как-то ночью они рассказали мне все при необычных обстоятельствах... - его голос сорвался. - Дай мне воды! Я чуть не потерял сознание! - Она принесла воды. Он продолжал окрепшим голосом: - Однажды нас атаковали французы, отряд разведки. Замок был окружен. Отступить было некуда, я и несколько человек готовились защищать себя и наших хозяев до последнего. Приходилось сдавать этаж за этажом. Но один из моих солдат, тяжелораненый, остававшийся внизу, решил пойти на крайность. Ему удалось заползти в подвал, где хранились дрова и поджечь их. Перепуганные французы поспешно бежали, я и несколько моих бойцов преследовали их до ворот. Сомнительно, что огонь смог бы разгореться всерьез, но к этому моменту плюмажи наших драгун уже исчезли вдалеке. Французы вскочили на коней и были таковы. Я вернулся в замок, и нам быстро удалось потушить пожар. Я вынес хозяйку на свежий воздух; двое моих солдат спасли старого графа. День хозяева замка провели в долгих совещаниях, а вечером сказали, что решили поведать мне о сокровище.

Если с ними случится несчастье, я должен поклясться передать письмо, которое они мне доверили, их единственному сыну, сражавшемуся в нашей армии. Я охотно согласился. Через несколько дней я поддался дьявольскому искушению и вскрыл конверт. Это был набор бессмысленных чисел, шифр; но у меня был к нему ключ. Я расшифровал письмо и пошел на отмеченное место. Там было сокровище. Но мое сердце терзало меня: не пристало совершать грех хуже Аханова*! Я снова засыпал все землей, вернулся и всю ночь молился об очищении совести.

Вскоре нам пришлось сменить расположение, мы отступали. Во время следующего наступления я решил нанести визит нашим добрым хозяевам. Но увы! Их убила банда разбойников. Как повелевали обстоятельства, я стал искать сына, но вновь было слишком поздно: он погиб в бою на третий день нашего наступления.

Я крепко хранил тайну; единожды преодолев искушение, я так и не прикоснулся к сокровищу, хотя теперь оно было моим, равно как и чьим угодно. Но ныне мною повелевает нужда, я больше не способен вынести пытку... - Его голос вновь сорвался. - Я сообщу тебе ключ, если ты сделаешь, как я сказал; и, когда я умру, ты сможешь спокойно отыскать сокровище.

Ада Гласс немедленно приняла решение. Она была нетерпелива. В конце концов, на свете есть и другие удовольствия, чем... то, чем она наслаждалась.

- Возьми Библию, - сказал Гласс, и поклянись! - Она повиновалась, не дрогнув. То был обет совершить убийство, но шотландский ум это не способно смутить.

- Хорошо, - сказал майор. - Теперь посмотри в сундучке, где лежит моя форма: шифр зашит в мундире, он в подкладке левого рукава.

Его жена покорно распаковала вещи. В ее руке оказалась маленькая карта, покрытая иероглифами.

- Теперь скажи мне ключ!
Гласс едва дышал, голос его ослаб.
- Воды! - прошептал он. - Она принесла ему полный стакан, он выпил и счастливо вздохнул. - Ключ - это слово.
- Что? Я тебя не слышу. - Она подошла поближе.
- Ключ - слово. Оно в Библии. Я вспомню, если ты прочитаешь отрывок. Я отметил его в книге. Это где-то в Книге Судей. - Он явно старался говорить как можно громче, но она все равно с трудом разбирала его слова. Она принесла Библию, но для чтения было слишком темно, так что она зажгла лампу и поставила рядом с ним на пол.
- Кажется, восьмая глава, точно не помню.
- Какая глава?
- Кажется, восьмая.
- Восьмая?
- Да. - Это был тишайший шепот. Гласс был очень слаб уже несколько дней, но только сейчас это встревожило ее: а вдруг он умрет, не успев открыть тайну? Она налила немного виски и дала ему выпить.
- Ах, вот оно, - сказала она. - О Самсоне на мельнице? Тут отмечено красным.
- Да, - он по-прежнему говорил очень тихо. - Читай с этого места.
Она села у изголовья и принялась читать. После каждого стиха она спрашивала его, но он показывал, чтобы она продолжала. Наконец, она дошла до стиха "И сказал Самсон: умри, душа моя, с филистимлянами!".
- Это тут, - произнес он. - Это... - его голос совсем сник.
- Ты ведь не болен, правда? - крикнула она встревожено.
- Я умираю, - с трудом выговорил он.
- Скажи мне слово! - закричала она. - Ради Бога, не умирай прежде!
- Это... - и снова его голос сорвался.
- Ну, скажи же, скажи! - она поднесла ухо к самым его губам. Мгновенно, с молниеносной быстротой, его железная челюсть, точно тиски, сомкнулась на ее ухе. Она попыталась вырваться, вопя, но с тем же успехом она могла стараться оторвать бульдога. Вместо этого она помогла ему повернуться к лампе. Удар культей, и пылающее масло хлынуло на соломенную подстилку.
Вопли умирающей матери разбудили Джошуа. Он вскочил с постели, вбежал в комнату и увидел два корчащихся в огне тела. Он радостно захлопал в ладоши и выскочил в метель.

- Да, жуткая история, - вскричал Джек Флинн, который и заставил ее рассказать, - но не могу понять, какое отношение все это имеет к вам и спасению Хемлок-клуба?

- Потому что, мой юный друг, у вас, как обычно, не хватило терпения выслушать до конца. События, которые я так старательно описывал, происходили во времена узурпатора Георга Третьего, так называемого. - (Таков был обычай в клубе: всегда называть Георгов узурпаторами). - Моя часть начинается в 1850 году.

В феврале этого года в одном известном издательстве, позабыл его название, вышла анонимная книга, озаглавленная "Ревнивый Бог". Она произвела волнение в религиозных кругах. Автор, очевидно авторитет в теологии, опирался на учения викторианской науки, а главной целью его работы было завершить разрушение деизма. Он настаивал на жестокости и глупости природы, указывая, что все попытки снять за это ответственность с Творца неизбежно завершаются манихейством или другой формой дуализма; и затем интерпретировал мудрость Бога, как Его способность обманывать Своих созданий, Его силу, как Его способность унижать и пытаться их, а Его славу - как победоносное созерцание мучений и ужаса жертв. Стоит особо указать, что автор, хоть и анонимный, указывал, что он член Плимутского Братства*.

Оригинальному еретику было предложено членство в нашем клубе, а я стал младшим членом комитета, назначенного для изучения вопроса. Я инстинктивно

невзлюбил неизвестного автора и изо всех сил сопротивлялся его приему. Я доказал, что книга совершенно ортодоксальна и продолжает Иоанна III:16*. Я отметил, что Чарльз Хэддон Сперджен* подтвердил основной ее вывод, и что евангелические священники по всей Англии проповедуют то же самое, с незначительными отличиями, но все равно остался в меньшинстве.

- Тогда мы решили узнать, кто же является автором книги, и обнаружили, что его имя Джошуа Гласс.

Волна ужаса прокатилась по слушателям старика.

- Я отказался снимать свои возражения. Я провел расследование и выяснил факты, которые сегодня изложил вам.

- Но в правилах нет ничего против вещей такого рода! - вскричал один из присутствующих.

- Вы не позволили мне закончить!

- Прошу прощения.

- Я самым тщательным образом изучил все обстоятельства; я хотел выяснить истоки феноменов, проявленных всеми участниками истории. В конечном счете, я пришел к заключению: я начал думать, что в этом случае может существовать физическая параллель с проявленным ментальным и моральным состоянием...

- И что же? - перебил Джек Флинн восторженно, с блеском в глазах.

- Я настоял на физическом обследовании. Я обнаружил уродство столь необычное и чудовищное, что, несмотря на его человеческое происхождение, невозможно было назвать Джошуа Гласса представителем нашей расы.

Наступила долгая пауза полного изумления. Старый маг открыл коробку, вынул длинную сигару и закурил.

- Кому-нибудь со мной по пути? - спросил он, вставая.

- Мне, если позволите, сэръ, - охотно откликнулся Флинн. - Я бы хотел поговорить часок о мистицизме, а то во рту остался неприятный привкус.

Перевод Д. Волчека

Рассказ из цикла о расследованиях Саймона Иффа. Кроули опубликовал его под псевдонимом Эдвард Келли в журнале International (No 12, февраль 1918). Журнал был закрыт цензурой за прогерманскую пропаганду, большая часть тиража номера с этим рассказом была уничтожена.

Артур Уэлсли (1769 - 1852), герцог Веллингтонский, британский полководец, победитель Наполеона.

Андре Массена (1758-1817), французский полководец.

другого жилья не было - А. Кроули описывает окрестности принадлежавшего ему поместья Болескин-хаус.

расстались в Лите - Ныне портовый район Эдинбурга, во времена Гласса бывший городом.

был таким хорошим капитаном - Джошуа назвали в честь Иисуса Навина, которого называют "the Great Captain of Jews".

Доктор Фрезер приводит немало примеров - имеется в виду книга Ч. Фрезера "Золотая ветвь", которую ценил А. Кроули.

грех хуже Аханова - Ахан совершил грех, взяв заклую одежду (Иисус Навин, 7:1).

член Плимутского Братства - фундаменталистская секта, к которой принадлежали родители А. Кроули.

продолжает Иоанна III:16 - "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную".

чарльз Сперджен (1834-92), английский баптистский проповедник.

